

НОВАЯ ГАЗЕТА

ПАМЯТЬ • ОБЩЕСТВО

Возьми фонарь

Умер Алексей Бабий, красноярский Вергилий

Алексей Бабий. На втором плане Владимир Сиротинин — первый председатель красноярского Мемориала*. Фото: архив

09:42, 16 сентября 2026,

Алексей Тарасов

обозреватель «Новой»

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

18+. НАСТОЯЩИЙ МАТЕРИАЛ (ИНФОРМАЦИЯ)
ПРОИЗВЕДЕН, РАСПРОСТРАНЕН И (ИЛИ) НАПРАВЛЕН
ИНОСТРАННЫМ АГЕНТОМ ИНТЕРНЕТ-ИЗДАНИЕ «НОВАЯ
ГАЗЕТА» ЛИБО КАСАЕТСЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ИНОСТРАННОГО АГЕНТА ИНТЕРНЕТ-ИЗДАНИЕ «НОВАЯ
ГАЗЕТА»

Умер Алексей Бабий. Ему был 71 год. Красноярский Вергилий, человек с фонарем, тот, кто светил и освещал местную тьму — избыточно распростертую. Кто проводил желающих по ней, слушал ее голоса, описывал ее и систематизировал. И выводил из тьмы тысячи, сотни тысяч имен.

Все эти поднятые из праха и названные стрелочники из Уяра и слесари паровозоремонтного завода, хормейстеры и конюхи, скрипачи и матросы, их растоптанные семьи, все эти мужчины, женщины, дети и старики, юноши, девушки появлялись в толстых томах Книг памяти Красноярского края и на сайте красноярского «Мемориала», чьим председателем был Бабий. Он наполнял эти мартирологи, а сами книги издавались региональной властью (где во множестве тоже работают дети детей репрессированных и ссыльных). И местное общество «иноагентом» не назвали. Но оно было одним из учредителей международного «Мемориала», а его российское государство признало «иноагентом» и ликвидировало. Затем признало движение — нежелательным. Затем — экстремистской организацией. И деятельность его запретило.

Но собрание красноярского «Мемориала» еще до этого само закрыло юрлицо и продолжало — до полного запрета —

работать без счета и печати. Это было просто:

каждое утро Бабий вставал и до позднего вечера оцифровывал сотни тысяч писем, мешками приходявших к нему с коллегами со второй половины 80-х, сотни тысяч выписок из архивов, переснятых документов.

Разумеется, тот сайт красноярского «Мемориала» — с именами и судьбами — после апрельского решения Верховного суда исчез. Алексей болел. 6 сентября мы с ним списались. «Я тут залетел в БСМП (*больница скорой медпомощи. — А. Т.*) со стариковскими проблемами, выберусь недели через две». 15 сентября написал ему новое письмо, отправил по электронной почте, он всегда отвечал сразу, а тут — молчание.

Что будут знать новые люди о репрессиях в огромном Красноярском крае без этих десятков тысяч страниц документов и свидетельств из первых рук? Ведь эту энциклопедию уже не скормят суверенному ИИ.

Алексей Бабий. Кладбище Борлока. Фото: Алексей Тарасов / «Новая газета»

Сайта Бабия в Сети больше нет, он, вероятно, в облаках (облачных сервисах), но есть, например, пока сайт «Новой». Иноагентский, но всё же живой. На его страницах Бабий присутствовал все последние десятилетия, в 2016–2017 годах вел свою регулярную рубрику «Портрет и вокруг» (черно-белые фото с небольшими историями, в коих, как в капле, большая история государственного террора), неизменно откликался на просьбы об экспертизе/комментарии. Или об экспедиции в какую-нибудь гулаговскую глушь/заброшенный поселок спецпоселенцев. Вергилий не отказывал, и лучшего попутчика к «глубинному народу» не бывало: все старше сорока о красноярском «Мемориале» или даже о нем, лично Алексее Бабии, знали. И уважали. Вот уж кто являлся почетным гражданином Красноярского края не по чиновничьим бумагам, а в действительности.

Ему делегировали часть своих, народных, функций, он отвечал за коллективную память, противостоял забвению, делал за всех эту артельную работу, и люди это понимали. Видели, как он (один за всех) стоит среди сосен (почему расстрельные

полигоны устраивали чаще всего именно под соснами?), и вот эти сосны в рассеивающемся мраке сдвигаются и бредут по склону. Солдатами разбитых полков, поротно. Зэками, выводимыми в промзону. Дымчатые сущности, имена собственные идут перед ним, мимо него, а он пытается всех их запомнить, записать. Составить списки.

Математик и айтишник еще с советских времен, Бабий вообще-то происходил из деревни, из крестьян, и подход у него к делу был крестьянский и жалел, по-моему, он больше всех именно крестьян.

Неустанно твердил, что государственный террор — это не одни лагеря и расстрелы, это и спецпоселенцы, и лишенцы (лишенные избирательных прав), это трагедии миллионов. А спецпоселки для ссыльных уже стерлись подчистую, будто их и не было никогда, и даже их списков нигде нет... «Еще предстоит», — говорил он. И каждое утро вставал и делал эту бесконечную работу.

Делал до последних дней — хотя еще в начале нулевых понял, что «Мемориал» потерпел «полное фиаско». И дело даже не столько в том, что еще с 1997-го архивы начали закрываться вновь, а в том, например, что дела лишенцев родственники в архивах вполне могут получить и сегодня, но они им — не интересны. В наших последних с Бабием разговорах он констатировал, что «проработал» более двадцати тысяч таких дел, а «листов использования» (когда дело кому-то выдается, там пишется — такого-то числа такой-то человек ознакомился, ну или скопировал такие-то листы) увидел не больше ста. Дела лежат не затребованными с тех самых времен, они никому не нужны — ни историкам, ни родственникам. «Кроме меня,

получается».

Алексей Бабиин, 1978 год. Фото: архив

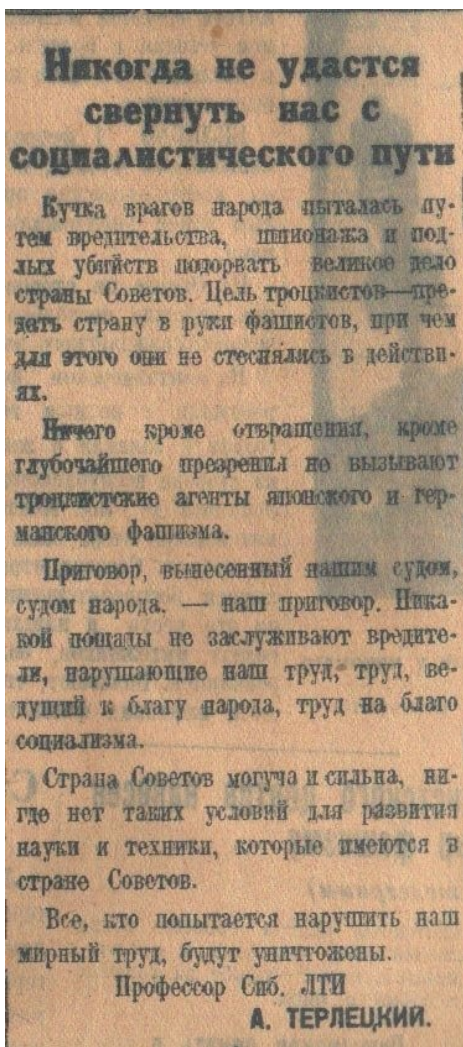
«Советский человек — единственное, что сталинской команде удалось сделать в совершенстве. Методом горячейковки. Особенно Большой террор свою роль сыграл, конечно. Появилась просто новая общность. Советский человек — это же совершенно отдельная вещь, несравнимая, и в нем самое страшное, что он воспроизводится. Смотришь на людей, рожденных в 90-х, в нулевых, а они по своему мировоззрению, многие, — типичные советские люди. Со всеми их особенностями, повадками. Это самовоспроизводящаяся модель, очень удачная. И — надолго».

«Никакая правда нашему народу не нужна. Даже в конце 80-х что обсуждали в курилках? Какие-то желтые факты, любовниц Берии, страшилки про лагеря. Никакого осмысления ни тогда, когда это было в тренде, была куча публикаций на эту тему, ни

потом, когда появились глубокие исследования, не произошло. Уж сколько говорили о Большом терроре, как он был организован, что там была кулацкая операция, были лимиты и прочее, и прочее, и вот после всего этого даже не какие-нибудь обыватели, а журналисты несут пургу про репрессии против большевиков-ленинцев. Как будто только вчера прошел XX съезд, и еще не дошло».

«Мы едем всё время вперед, а приезжаем всё время назад. Это говорит о том, что мы едем по кольцу. То, что было трагедией, оборачивается фарсом, который тут же превращается в трагедию... Были заморозки, потом оттепель, потом опять заморозки, впереди опять оттепель, потом опять заморозки, потом снова... А потом солнце потухнет, и всё».

Помню, одну колонку Алексея в «Новой» не напечатали. Не потому, что не подошла — просто такое в газете с ее постоянной запарой бывает. Речь в ней шла о профессоре Терлецком. В 1937-м под его именем в красноярской газете вышла короткая гневная заметка с осуждением троцкистских бандитов, правых отщепенцев, торговцев родиной и агентов международного фашизма — Бухарина, Рыкова и иже с ними.

Архив

Наверное, это было важно, писал Бабий, чтобы в ряду рабочих и колхозников прозвучал голос уважаемого ученого. Он мог отказаться, но это — рискованно: не выступил против врагов, значит, сам враг. А согласившись, ничем не рисковал. Кто для него Бухарин с Рыковым, которых к тому же все равно расстреляли? Эта статья должна была стать охранной грамотой. На самом деле в ней написано: «Я свой, я свой! Не трогайте меня!» Только письмо в газету в феврале 1937-го профессора не спасло. Его арестовали уже 2 июля, помуржили в тюрьме и расстреляли.

Выиграть при тоталитарной власти невозможно. Лоялен ты или нелоялен, полезен власти или нет — ты можешь погибнуть просто

потому, что кому-то понадобилась твоя жизнь.

Никаких обязательств власть по отношению к тебе не несет. Напишешь ли ты тысячи нужных заметок, как Терлецкий, подпишешь ли тысячи смертных приговоров, как Ежов, — никто не испытает к тебе благодарности, никто не зачтет твою лояльность, потому что на самом деле ты никто. Не надо играть с тоталитарной властью в ее игры, писал Алексей, — все равно не выиграешь.

Выиграть нельзя, победить можно. Умрешь все равно, но есть возможность умереть человеком. Просто не участвуй.

И заголовок был такой: «Оставь надежду всякий тут живущий. Неделание против делания».

Таково правило для страны нашего масштаба в определенные периоды: поступок уже не в том, чтобы что-то делать, а в том, чтобы что-то не делать.

Это вообще-то и была философия Бабя, он еще в юности пришел от Льва Толстого к Генри Торо, и ценил того до конца жизни. А ведь Торо, помимо прочего, о том, что люди делают сплошь бесполезные, лишние телодвижения. И в итоге — «много пыли человек подымает, когда умирает».

Алексей Бабий. Кладбище Борлока. Фото: Алексей Тарасов / «Новая газета»

Бабий пыли не поднял. Он следовал тому же практическому стоицизму даже в своем сайтостроении, его сайты (с них и начинался «красноярский интернет») были просты и безотказны, как автомат Калашникова, и в реальности, конечно, легко восстановимы даже сейчас, совсем в другую эпоху. Простое, минималистичное решение — самое универсальное, и практически неубиваемое.

Но это самое сложное — отсечь ненужное.

Бабий умел. Хотя это было и не очевидно рядом с ним, но он же из поколения хиппи, пусть с другой стороны нашего шарика. А они тоже вдохновлялись Торо, всем его кругом, Эмерсоном, тем трансцендентализмом. И природа той Америки позапрошлого века в чем-то была равна Сибири из конца СССР и начала РФ. Когда и где Алексей начинал дело всей своей жизни.

И Алексей, в общем-то, как в Easy Rider («Беспечный ездок», американская драма 1969 года), бесконечно ехал навстречу тому пикапу в финале. Это всё, что требовалось, остальное — дым.

И теперь всегда будет уже ехать. Он на карте родины.

* Признан иноагентом, ликвидирован по решению суда, признан нежелательной и экстремистской организацией, деятельность в РФ запрещена